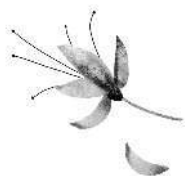

Януш Леон
Вишневский

Сцены из
супружеской
жизни

Janusz Leon
Wiśniewski

**Moja
bliskość
największa**

Януш Леон
Вишневский

Сцены из
супружеской
жизни

АСТ
Москва

УДК 821.162.1-3
ББК 84(4Пол)-44
В55

Перевод с польского *Марины Тогобецкой*

Художественное оформление и дизайн обложки
Екатерины Елькиной

Вишневский, Януш Леон.

В55 Сцены из супружеской жизни / Януш Леон Вишневский ; [пер. с пол. М. Тогобецкой]. – Москва : АСТ, 2015. – 160 с.

ISBN 978-5-17-086936-7

О любви и о сексе, об их месте в жизни мужчины и женщины пишет Януш Вишневский в новом сборнике эссе. Он вновь и вновь размышляет над тем, каким образом между двумя людьми возникает ни с чем не сравнимое ощущение близости и как соотносятся друг с другом близость тел и близость душ. И мы чувствуем дыхание жизни, одновременно горькое и сладкое оттого, что даже самую величайшую близость так легко потерять.

УДК 821.162.1-3
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-086936-7

© Copyright by Janusz Leon Wiśniewski
© Copyright by Wydawnictwo
Literackie, Kraków, 2012
© Тогобецкая М., перевод, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2015

SCENY Z ŻYCIA
MAŁŻEŃSKIEGO

—
*Сцены из
супружеской жизни*

— Безответная любовь, знаете, это страшное мучение. Особенно та любовь, которая когда-то была смыслом жизни, а теперь вот сгорела. Умерла. Безвозвратно.

Иногда я думаю, что безответная любовь — даже худшее мучение, чем ненависть. Когда ненавидишь, по-настоящему желаешь только одного: чтобы объект твоей ненависти страдал. Жаждешь его страдания в любом виде. Его боли, унижения, валящихся на него несчастий, болезней, а в крайнем,

близком к помешательству случае — даже смерти. Ненависть и желание мести, знаете, это чувство очень простое. Такое доступное каждому, потому что предельно ясное. Искреннее, честное и однозначное. Как плюс и минус. Как черное и белое. Ненависть, знаете, это ерунда. А вот разлюбить, когда тебя продолжают любить, — вот это сложно. После всех обещаний, что давали друг другу. После тех секретов, которыми делились и днем и ночью. После всего... Очень трудно, прошу прощения.

Мы сидим на скамеечке в парке и беседуем. В нескольких километрах от центра Кельна. Это «для безопасности, подальше от его обычных маршрутов, — в последнее время он непредсказуем».

Он — это ее муж. Роберт. Она познакомилась с ним несколько лет назад. Тогда она училась в Тюбингене, но на выходные всегда приезжала навеситить родителей в Кельн. В одну из ноябрьских суббот она стояла на остановке около вокзала под дождем. Он подошел к ней со своим раскрытым зонтиком, коснулся ее плеча и сказал: «Вы совсем

промокли. Вы позволите мне постоять рядом с вами?» Она вспоминает, что с той субботы он стал еще одной причиной ее возвращений домой на выходные, а потом — она приезжала в Кельн в основном из-за него. Через полгода она впервые призналась ему, что любит. Это произошло как-то утром, когда она лежала, прижавшись к нему, и слушала его спокойное дыхание.

— Когда мы после свадьбы возвращались домой, я чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете. Я буквально помешалась на нем. Хотела стать для него идеальной женой. И ведь спустя некоторое время стала такой! И мы постепенно превращались в семью. Я родила первого сына, через несколько лет второго. Я работала, готовила, стирала, убирала, гладила, воспитывала детей, следила за домом, а иногда и занималась строительством его. По вечерам я садилась на диван рядом с мужем и держала его за руку, а ночами в спальне, если не падала с ног от усталости, выполняла все его сексуальные фантазии и желания. Точно не могу вспомнить момента, когда я начала чувствовать себя запертой в клет-

ке. Это как-то незаметно вползло в нашу жизнь несколько лет назад. Каждый мой выход, не важно — по работе или с подругами, он воспринимал как факт грубейшей супружеской нелояльности. Я обязана была после работы немедленно возвращаться домой и проводить все свое свободное время исключительно с ним и детьми. Я любила его, поэтому считала эти требования проявлениями его безграничной любви ко мне. И соглашалась им следовать — для спокойствия. Отказываясь от своих собственных желаний и стремлений, я испытывала разочарование. Но внутреннего протеста еще не было. Это пришло позже.

Помню, однажды я поехала с подругой на концерт в филармонию в Мюнхен. На время концерта я выключила телефон. А когда включила, обнаружила, что он звонил мне за это время сорок раз! Когда в конце концов я взяла трубку, то узнала о себе, что я «бездушная, безответственная, что я оставляю его и детей ради каких-то глупостей и что я должна немедленно это прекратить». А потом он потребовал, чтобы моя подруга взяла трубку и под-

твердила, что находится рядом со мной, ибо у него «имеются кое-какие подозрения».

Помню, что в тот момент я чувствовала себя униженной всем этим абсурдом. Тогда, наверно, впервые и ощутила внутри себя протест.

А к его подозрительности прибавилась болезненная ревность. Не раз бывало, что по утрам мне приходилось срочно переодеваться, потому что он считал мой наряд «вызывающим и слишком откровенным, вульгарным, как у проститутки, собирающейся на панель». Любой мужчина, так или иначе появляющийся в моей жизни, представлялся ему моим потенциальным любовником: коллега, проводивший меня до метро после работы, официант, позволивший себе невинный комплимент в мой адрес. Через некоторое время я обнаружила, что он просматривает мой мобильный телефон, шарит в моей сумке, читает адресованные мне письма. К моим подругам он относился враждебно и говорил, что «им нужно заниматься своими мужьями и детьми, а не лезть в чужую нормальную семью».

А тем временем мы переставали быть той самой нормальной семьей. Я постепенно превращалась в пленницу. Я пробовала разговаривать, просить, убеждать, ругаться. Каждый раз это кончалось скандалами. Все чаще я видела слезы в глазах своих сыновей. Во время одного из таких скандалов он поднял на меня руку. Я переставала его любить. И начинала его бояться. А через два года, поняв, что больше не испытываю по отношению к нему ничего, кроме страха и раздражения, я взяла детей и уехала к родителям.

Он приходит туда. Почти каждый день. Я не возражаю, потому что мальчики любят его и он им нужен. Иногда мы разговариваем. Он хочет «все починить и начать сначала». Без конца повторяет, что любит меня. И вот когда он весь такой добрый, хороший, как раньше, и когда я вижу в его умоляющих глазах слезы — вот тогда мне очень плохо. Потому что я вспоминаю этот его зонтик, которым он заслонил меня от дождя, и мое захлебывающееся счастье после нашей свадьбы, и прикосновение его рук к моему животу, когда я носила наших детей.

Но это все лишь воспоминания. Он убил во мне
что-то очень важное, что-то, чем я очень дорожила.
Я его больше не люблю...

MOJA BLISKOŚĆ
NAJWIĘKSZA

—
*Моя величайшая
близость*